

Командующий французскими войсками в Германии генерал Кенг вручил орден Почетного легиона командующему американскими войсками в Германии генералу Клею.

Шейлок с Уолл-стрит

Николай ПОГОДИН

Шейлок: Тут мяса фунт, которого теперь я требую, мне очень много стоит. Он мой, и я хочу иметь его! Откажет, и плечу на заповедь Венеции...

(Шекспир, «Венецианский купец»).

Трумену следовало бы снять факел со статуи Свободы и заменить его тремя бронзовыми шариками.

Лео МАКПРИ. (Делегат союза лесоводов-британцев на Конгрессе британских лесоводов).

Три бронзовых шарика — эмблема ростолюбивости, старинный знак судной кассы. Простые люди, не искушенные туманной дипломатической многозначительностью, любят называть вещи своими именами. Это хороший стиль, ближе к жизни и к существу дела. Народная мудрость снимает все и всяческие покровы. Она по-настоящему великому множеству людей. Она напоминает, Сарказм реплики, брошенной американскому президенту с трибуны конгресса британских лесоводов, имел шумный успех. Оратор попал не в бровь, а в глаз.

Тот же делегат английских столяров и плотников примерно так отказывался о политике нынешнего лейбористского правительства: «Ходим к американцам с шапкой в руках выпрашивать доллары? Ходим. Скверное это дело? Очень скверное.

Выражения вроде: «имперские предпочтения», «пропоры стерлингового блока», «дискриминация в торговле» и многие другие простой человек заменяет простейшим и верным зрительным образом бедного соседа, униженного, с шапкой в руке обивающего пороги соседа, столь же богатого, сколь безжалостного и скупого.

Откуда взялись они — все эти архисовременные, самонадеянные и не условные, а чисто денежные понятия «шапки в руках», «запорожцы», «судной кассы», ростолюбивости и множества иных, хотя бы и объективных терминов, которые выражаются на у простых смертных, а у самых рудых заведующих европейскими стран?

«Дипломатический торг» уступил место прямой торговле, без всяких посредничеств, и западная часть света в наши дни стала походить на торговый дом какой-то новой-вечной бешено-проектерской акционерной компании.

Как же иначе понять и назвать илущие у нас на глазах англо-американские, франко-англо-американские переговоры или «конференции шестнадцати», если в изначальном источнике страсти, надежд, разочарований, тревог, сменяющихся обещаниями, и обещаний, сменяющихся разочарованиями, лежат только деньги, торговля, покупка?

Не забыли ли люди о старом Шейлоке? Попиная закону природы избегает всего отравительного, они даже были склонны рассуждать, что страшный старик, рожденный самовольным гением великого англичанина, не мог существовать в действительности. Все-таки это чудесное очарование вымысла, — думалось нам, — гипербола, несомненное преувеличение, как Калибан шекспировой «Бури» — человек и животное в одном лице.

Современные Калибаны, как увидело потрясенное человечество, настолько преизобрели шекспировский оригинал, что их родоначальник стал казаться чем-то почти невинным и не стоящим изумленного ужаса. Но вот вышел на мировую сцену и сам страшный старик, мстительный и беспощадный, неослабный в своей алчности шекспировский Шейлок. Он также грозит превзойти свой классический оригинал... Но давайте сначала посмотрим, кто и зачем выступил в мир современного Шейлока?

5 июня его года государственный секретарь США г-н Маршалл выступил в Гарвардском университете со своей «академической речью», как ее потом называли некоторые американские журналисты.

Г-н Маршалл, как автор «плана Маршалла», может неопровержимо доказать, что он никогда не был автором этого плана, ибо он ни словом не обмолвился о каком-либо реально существующем плане.

Он не сказал также, в каком качестве он развивал эти свои концепции, — то ли как благосмысленный гражданин своей страны, то ли как министр американского правительства.

Говоря о будущей помощи разоренной Европе, он не сказал и того, имеется ли у него согласие денежных королей Америки на то, чтобы распоряжаться их миллиардами.

Лишь с известной нетерпеливой решительностью, которая так заинтересовала нас еще тогда, когда мы слушали прощальное слово г-на Маршалла на московском аэродроме, он провозгласил ответственность американцев за судьбу всего остального человечества. Это провозгласил было бы не новым, если бы г-н Маршалл только повторял бредовые идеи мирового господства. Но нет, провозгласивший свое мессианство проле, что издается, «звезд бы за рога» и дал практическое направление своей идее. В тот момент г-н Маршалл не входил в подробности. Говоря попросту, он похлопывал по кошельку, даже как будто готов был вынуть кошелек, но так и не вынул.

Кто первый сказал «э», тоже никому неизвестно. Может быть, какой-нибудь любитель сенсации дал смачу сенсационный газетный заголовок, а какой-нибудь государственный деятель в поисках «луча света» пришел в неописуемый восторг от этой странной речи. Так или иначе, но нашлись современные доблестные и бодливые и

поразил своим энigmatизмом «э» воображение современных горючичных в Западной Европе. Дело, в конце концов, не в лицах... Виллемская звезда возмела, спаситель родился.

С невероятной экстренностью, с великим адохновением речь Маршалла была превращена в «план Маршалла», который, наконец, спасет Европу.

Ударил во все колокола, как подобает в дни великих торжеств. Потом приверженцы «плана Маршалла», отразившись и обещав «великим будущим» до изумления, так сказать, «вошли в норму». И тут произошло с ними нечто, напоминающее мучительное протрезвление. Так, например, датская газета, возлагавшая большие надежды на «план Маршалла», уже в начале августа писала: «О плане Маршалла мы постепенно узнаем все больше и больше, и наконец, все могут сказать, что план-то не...» Если «Информация» решилась сказать правду в августе, то «Се суар» — сказала устами Стила еще в июле: «Самым поразительным, — писал он, — в плане Маршалла является тот простой факт, что план в действительности не существует».

«Это был призрак», — по выражению одного чехословацкого государственного деятеля. Мы скажем от себя — мечта. И не мечта самого Маршалла. Он уже не молод, чтобы мечтать. Ему 67 лет.

Эту идею-фикс выработали до гигантского абсурда, до какой-то чудовищной рекламы в западной части Европы благадея пресса, чужая направляющая пропаганда, диктатура заокеанских финансовых дельцов. Но когда мечта выходила, то в Англии стали говорить о «добром Маршалле» и «Снайдер» — заместителе министра финансов США, а его ужасной группой корыстолюбивых дельцов-эгоистов.

Как все было хорошо, доблородно и приятно, и какой был энтузиазм; но вот явились злые люди в лице финансовых деятелей Америки, и они «стремятся использовать энтузиазм в отношении бескорыстного (подчеркнуто нами) — Н. П.» предложения Маршалла для достижения более эгоистических целей» (Грибнов).

Какой сентиментальный вздор! Уолл-стрит и бескорыстие? Доллары и добродетель? Нам кажется, что г-н Маршалл был бы крайне встревожен, если бы его эсеры запылили в бескорыстии.

Где и когда говорил г-н Маршалл о бескорыстии? Что за сурд! Наоборот, в своей гарвардской речи он не раз настоятельно давал всем понять, что американцы должны проводить такую программу в Европе и поддерживать «такую последовательную программу, поскольку это может быть целесообразно для нас».

А «мы» — это прежде всего Уолл-стрит, и на Уолл-стрит прежде всего Морган, Рокфеллер, Меллон, «бескорыстие» которых определяется личными доходами, преобладающими национальными доходами многих отдельных стран мира.

Серьезные, осведомленные люди в Америке ныне открыто говорят о том, что при Франклин Рузвельте правительство находилось в Вашингтоне, теперь же оно снова перешло в Нью-Йорк, на Уолл-стрит. «Некоррелируемые короли» Америки, выходящие от железной воли покойного президента, пустили, наконец, в ход свои последователи и теперь уже общезвестный план «грабительства Европы», «Европы, частично обремененной и более убогой для американских капиталовложений», «корыстного долларового похода», «долларизации империализма» и, наконец, «долларизированной Германии». Этими терминами и действиями полна теперь буржуазная пресса Западной Европы.

И доктор Ласкин, как бы заключая этот мрачный хор, гневно солирует: «Мы получили американскую помощь только на американских условиях. Мы испытали уже последствия американской политики в Греции. Под предлогом обеспечения независимости американский заем укрепляет там контрреволюцию. Американцы провозглашают политику открытых дверей за границей и закрытых дверей у себя».

Никакого «плана Маршалла» никогда не было. Но был план Шейлока — ростовщический, алчный, беспощадный и еще неслыханный план.

Как шекспировский Шейлок, он олицетворяет могущество золота и материальную силу, как Шейлок, он становится аллопей, символом золота и грубой хищной силы, и с момента его выступления доллар и только доллары служат гигантской приманкой, неотвратимым магнитом и для государственных деятелей, промученных политиков, парламентариев, дельцов, публицистов западной части Европы.

Если говорить оля-таки просто, как говорят все простые люди, то одна вопрос, одна неотвратимая мысль волнует великое множество людей на Западе:

«Что они возмрут взамен за свои будущие доллары?» Шекспир Шейлок требовал вырезать фунт мясина груди должнику, в целом в одной руке и с другой: — Сердце! Современный Шейлок вырвет независимость, национальное достоинство, суверенитет у своих должников. Сердце из груди народа.

Разве это только литературный образ? Разве не г-н Маршалл еще в октябре 1945 года пелывал США «оставаться сильными в военном отношении, используя

силу для содействия сотрудничеству во всем мире?»

Разве это «сотрудничество» в Западной Европе теперь не переходит в грубое хозяйничанье? Уже многие буржуазные газеты без обиняков высказываются по поводу очевидной линии действия американского крупного капитала в Европе и прямо заявляют, что отныне генерал Клей и только Клей будет продолжать и уточнить общезвестные доктрины гитлеровского экономиста Шахта, по которым все страны Западной Европы должны были подчинить свое хозяйство, свою экономическую жизнь, свои национальные интересы сердцу Европы «нового порядка» — германскому Руру. И если торговая зависимость, которую теперь испытывает Англия, а за нею следом зависимость промышленная, еще не отражается на жизни среднего человека, то зависимость культурная, идеологическая бросается в глаза, входит в его быт. Французы теперь говорят о зловещей оккупации их национальной культуры, хотя еще ни цента не дал Уолл-стрит в счет обещанной помощи на восстановление Франции.

Иначе, проще, яснее: доллар и национальная независимость несовместимы. «Дело» должно быть верным и надежным организмом, как этого требуют замолдцы. С долларами идут надежные люди, они-то и организуют «европейское пространство», «используя силу», по мысли генерала Маршалла.

Во имя ли этого честные, подлинные патриоты Европы отставали свои независимость с оружием в руках, чтобы их страны были запропаны во всемирный? Не поднимутся ли они против интервенции доллара, против надвигавшейся власти немых Шейлоков? Не слышим ли у нас и за рубежом, не переосмысливает ли свои силы этот воинственный старик?

С восхищением следим мы за тем, как отважно борются греческие патриоты за независимость и свободу своей страны. С тем же восхищением мы приветствуем все те народы и правительства, которые за туманом «доктрины», «планов», «предложений» сумели разглядеть отвратительные символы Шейлока: три бронзовых шарика, всемирный и жок.

И, наконец, народы мира снова могут наблюдать г-на Маршалла уже на высокой трибуне организации «Объединенных наций». Вот он во весь рост, твердый, каменный и суровый, каким и г-н Маршалл выступал как глава американской делегации, и, следовательно, его новые планы есть планы правительства, президента Трумэна. А президент Трумэн, как известно, командует своей делегацией с линкора «Миссури».

О, эти символы, рассчитанные на эффекты! Не ново, Люди это видели. Гитлерские вещи демонстрировали пошлые нынешние изобретатели символов «твердой воли». А японцы? Когда они до дня милитаризовались и демонстративно делили генералов руководящими своей внешней политикой, то тогда и сам г-н Маршалл отлично видел, что к чему, и, наверное, впадал бы в неопределенную ярость, если бы в его стране с такой же вот трибуны переодетый в черные японский генерал предлагал добродетельные планы мира во всем мире. Но это между прочим, к слову, по свежей памяти. Нас, в данном случае, привлекло в недоумение одно слово в докладе г-на Маршалла. Это слово: — Сдержанность.

Он выдвигает «сдержанность», как принцип в работе членов Совета Безопасности. Поразительная мысль и метод. Прежде еще это понятие само по себе ничего не означало и легко может перейти в абсурд, если его применить к конкретным обстоятельствам. Но если этому простотому понятию придать содержание, то ведь окажется, что г-н Маршалл предлагает проявлять сдержанность по отношению, корейским войскам безослабности и мира на земле.

Когда Уолл-стрит диктует план мирового конгресса с американской монополией на атомную энергию во всем мире, то какое бы то ни было сопротивление такому плану, по мысли г-на Маршалла, есть несдержанность. И наоборот, если мы закрепим глаза на империалистическую войну в Индонезии, если мы благословим военную интервенцию американцев в Греции, если вы станете с угодливой унизительностью белых соседей заглядывать в глаза расползавшимся американским дипломатам, то такое ваше поведение будет сдержанностью.

Какая простота... Какая примитивность! С такой же точностью г-н Маршалл в прошлом году, покидая Москву, сказал советским людям с московского аэродрома об «американской независимости»... Так что же получается, если следить за ходом мысли г-на Маршалла?

А получается оля-таки абсурд. Хоть скоро сам ты нетерпелив и проявляешь нетерпимость и явно лезешь на рожон, то как же после этого ты можешь говорить о сдержанности? Это смешно и было бы смешно, если бы в столь необходимых и грубых заявлениях не выступала на первый план предвзятая беззастенчивость грубой силы. К чему тут ум и мысль, обычные логические нормы, если в руках дубина.

Честные люди во всем мире не верили, что воинствующая реакция так скоро поднимет руку на организацию Объединенных наций.

Эту мрачную обязанность взял на себя Шейлок с Уолл-стрит — господин Джордж Маршалл.

Фронтиспис книги Низами «Лейли и Меджун», выпущенной издательством «Молодая Гвардия». Работа худ. А. Варновниковой.

Моссовет не выполняет своих решений

Открытое письмо заместителя председателя исполкома Московского Совета тов. И. Фролову

Когда мы говорим, что Литературный институт имени А. М. Горького помещается на Тверском бульваре, то это имеет отчасти буквальный смысл. В нынешнем году институт вынужден отказывать в приеме на первый курс многим одаренным молодым писателям из областей и братских республик потому, что не может предоставить им общежития. Он ютится со всеми своими «хозяйствами» в нескольких комнатах Дома Герцена, занимаемого Литфондом СССР.

В таких условиях выполнять свою большую и ответственную задачу воспитания молодых творческих кадров советской литературы Институт имени А. М. Горького не в состоянии. Нельзя допустить, чтобы созданное по инициативе великого советского писателя и носящее его имя единственное в мире учебное заведение, воспитывающее молодых писателей, свертнуло свою работу из-за... недостатка помещения. Не впервые идет речь о том, чтобы предоставить институту весь Дом Герцена,

переселив оттуда Литфонд в другое помещение. Существует уже об этом решении Московского Совета, растет переписка, идут толки о том, какое помещение подходит для Литфонда, какое не подходит, а студенты, приехавшие для поступления в институт из далеких областей и республик, выдержав испытания, должны уехать обратно общежития нет, все остается по-старому.

Мы хотим напомнить заместителю председателя исполкома Московского Совета тов. И. Фролову о том, что 15 февраля 1947 г. он писал заведующему отделом Мосторисполкома тов. Суркову: «В целях... расширения административной площади Литературного института в доме № 25 по Тверскому бульвару предлагаю в течение февраля-марта 1947 г. высвободить и предоставить помещение... для переселения из этого дома Литфонда СССР».

К сожалению, решение Московского Совета не выполняется... Московским Советом.

А. ТВАРДОВСКИЙ.

За партийность в литературе

Пленум Союза советских писателей Украины

КИЕВ. (От нашего спец. корреспондента).

Имя Владимира Маяковского часто упоминалось на пленуме Союза советских писателей Украины, закрывшемся в Киеве 20 сентября. И это было вполне закономерно. Пленум проходил под знаком утверждения тех великих принципов партийного, большевистского искусства, за которые так страстно и неутомимо ратовал всем своим творчеством лучший поэт советской эпохи.

На пленуме была дана широкая картина успехов украинской советской литературы за последние годы и, в особенности, после исторических решений ЦК партии о журналах «Звезда» и «Ленинград» в украинской советской литературе имели место серьезные идейно-политические сдвиги, свидетельствующие о наличии националистических настроений у некоторых писателей, в прошлом связанных с буржуазной средой и ее идеологией. На пленуме говорились о реиндустрии такого рода в творчестве М. Рыльского, Ю. Яновского, И. Сепченко. Отмечалось, что в автобиографической поэме Рыльского «Путешествие в молодость», в цикле его стихов «Киевские октавы», в его докладе «Киев в истории Украины» откровенно идеализируется «патриархальная» старина, рисуется в розово-идиллических тонах помещичье-буржуазный быт, возрождается реакционная теория «искусства для искусства». В своем предисловии к первому тому избранных сочинений М. Рыльский не нашел ничего лучшего, как восхвалять матерых представителей украинского националистического движения — Антоновича, Науменко и др.

Доказательством творческой силы украинской литературы, залогом ее дальнейшего роста является тот факт, что она неустанно обогащается новыми писательскими кадрами, воспитанными партией. Они стремятся отбросить всю свою кичливую энергию лгу саужения народу. Новые писательские имена — А. Гончар, В. Казаченко, М. Руденко, Н. Тихий, И. Серпилин, В. Гетьманский, А. Пидсуха, В. Ткач, В. Попов, В. Горюнов и многие другие — уже широко известны украинскому читателю. Неравноценны дарования и мастерство этих молодых писателей, но все они воодушевлены желанием бороться оружием слова за дело коммунизма, всеми силами владеют дух творческого беспокойства, являющегося лучшей гарантией того, что молодые писатели не остановятся в своем развитии и сумеют дать еще более значительные произведения.

Эти драгоценные качества украинской литературной молодежи отчетливо выявились на пленуме. Вместе со старшими своими товарищами молодые писатели развернули на пленуме подлинно большевистскую критику и самокритику, вместе с ними вскрывали недостатки, которые сказывались до последнего времени в практике руководства ССН Украины и тормозили рост украинской литературы.

Благодушие, успокоенность, пренебрежение вопросами учебы, повышения своего теоретического уровня, подмена принципиальных отношений приятельскими, записывание перерывами литературными авторитетами — вот явления, наблюдавшиеся в Союзе писателей Украины. Они в значительной мере и были причиной того, что замечательными и неоспоримыми фактами, требовавшими немедленного вмешательства общественности.

Особенно отрицательную роль сыграло в этом смысле прежде руководство ССН Украины, работавшее до исторических решений ЦК партии о литературе и искусстве. При полном попустительстве бывшего председателя правления Союза писателей М. Рыльского ответственный секретарь организации Золоторых насаждал скалку, подавлял всякое проявление самокритики, выдвигал малоспособных литераторов, а иногда и людей, зараженных духом буржуазного национализма. Это снижало идейную активность литературных организаций, притупляло бдительность. Вот почему не встретили своевременного отпора буржуазно-националистические выкладки таких людей, как Лазаревский, Карманский, Дорощек.

вич, Рудницкий, Возняк, не подверглись серьезной критике рецдивы украинского национализма в «Очерках истории украинской литературы» (под редакцией Кирилюка и Маслова), в произведениях Бундича, Масенко и др.

По уже и после решений ЦК ВКП(б) о журналах «Звезда» и «Ленинград» в украинской советской литературе имели место серьезные идейно-политические сдвиги, свидетельствующие о наличии националистических настроений у некоторых писателей, в прошлом связанных с буржуазной средой и ее идеологией. На пленуме говорились о реиндустрии такого рода в творчестве М. Рыльского, Ю. Яновского, И. Сепченко. Отмечалось, что в автобиографической поэме Рыльского «Путешествие в молодость», в цикле его стихов «Киевские октавы», в его докладе «Киев в истории Украины» откровенно идеализируется «патриархальная» старина, рисуется в розово-идиллических тонах помещичье-буржуазный быт, возрождается реакционная теория «искусства для искусства». В своем предисловии к первому тому избранных сочинений М. Рыльский не нашел ничего лучшего, как восхвалять матерых представителей украинского националистического движения — Антоновича, Науменко и др.

Доказательством творческой силы украинской литературы, залогом ее дальнейшего роста является тот факт, что она неустанно обогащается новыми писательскими кадрами, воспитанными партией. Они стремятся отбросить всю свою кичливую энергию лгу саужения народу. Новые писательские имена — А. Гончар, В. Казаченко, М. Руденко, Н. Тихий, И. Серпилин, В. Гетьманский, А. Пидсуха, В. Ткач, В. Попов, В. Горюнов и многие другие — уже широко известны украинскому читателю. Неравноценны дарования и мастерство этих молодых писателей, но все они воодушевлены желанием бороться оружием слова за дело коммунизма, всеми силами владеют дух творческого беспокойства, являющегося лучшей гарантией того, что молодые писатели не остановятся в своем развитии и сумеют дать еще более значительные произведения.

Эти драгоценные качества украинской литературной молодежи отчетливо выявились на пленуме. Вместе со старшими своими товарищами молодые писатели развернули на пленуме подлинно большевистскую критику и самокритику, вместе с ними вскрывали недостатки, которые сказывались до последнего времени в практике руководства ССН Украины и тормозили рост украинской литературы.

Благодушие, успокоенность, пренебрежение вопросами учебы, повышения своего теоретического уровня, подмена принципиальных отношений приятельскими, записывание перерывами литературными авторитетами — вот явления, наблюдавшиеся в Союзе писателей Украины. Они в значительной мере и были причиной того, что замечательными и неоспоримыми фактами, требовавшими немедленного вмешательства общественности.

Особенно отрицательную роль сыграло в этом смысле прежде руководство ССН Украины, работавшее до исторических решений ЦК партии о литературе и искусстве. При полном попустительстве бывшего председателя правления Союза писателей М. Рыльского ответственный секретарь организации Золоторых насаждал скалку, подавлял всякое проявление самокритики, выдвигал малоспособных литераторов, а иногда и людей, зараженных духом буржуазного национализма. Это снижало идейную активность литературных организаций, притупляло бдительность. Вот почему не встретили своевременного отпора буржуазно-националистические выкладки таких людей, как Лазаревский, Карманский, Дорощек.

Существовали предисловия, напоминающие речь адвоката, который с необычайным рвением приписывает своему познанию, а не принадлежанию к делу, добродетель. Такой характер носит предисловие Н. Ашукина к роману «Китай-город» П. Боборыкина (изд. «Московский рабочий», 1947).

Н. Ашукин взял на себя неблагодарную и совершенно ненужную задачу — защитить во что бы то ни стало натурализм Боборыкина. Критик не отрицает, что Боборыкин — натуралист. «Все эти упреки вполне справедливы», — заявляет он. Но затем оказывается, что именно эти недостатки, фотографичность, «портретность», изобилие мелких подробностей — для нас представляют исторический интерес и что по произведениям Боборыкина можно изучать историю русской общественной жизни, начиная с 60-х годов девятнадцатого века и кончая первым десятилетием двадцатого.

теоретическом уровне, об отсутствии большевистской прамоты и принципиальности в выступлениях отдельных критиков. Единственно осуждена была, в особенности, литературная практика И. Новиченко, систематически дезориентировавшего писателей Украины своими противоречивыми, путанными, неспрессными высказываниями. Именно Новиченко первый поднял на шпиг произведения, которые пленум расценил, как произведения антихудожественные, антипартийные, клеветнические, именно он сыграл немалую роль в том, что они увидели свет.

На пленуме выступили также М. Рыльский, Ю. Яновский, И. Сепченко. Выступления их никого не удовлетворили: слишком много общих фраз, уклончивых положений, явных отписок. На это мы указали крупнейший поэт Советской Украины П. Тычина и многие другие ораторы.

— Рыльский в своей поэзии слишком часто возвращается мыслью к своей родной земле, лобуетея ею, даже кичится, — говорит П. Тычина, — а ведь эта родословная тесно связана с деятельностью видных зурбов украинского национализма.

— Дело не в том, чтобы выпрашивать удачные места в книгах, — продолжает поэт, — а в том, чтобы выпрашивать внутренне, познать до конца то, что мешается итти вперед, в ногу с партией, с великой сталинской эпохой.

П. Тычина указывает также на недопустимость того нетерпимого отношения к критике, какое проявил на пленуме Ю. Яновский.

М. Бажан в большой интересной речи указывает, что главная беда Рыльского — в неумении по-марксистски осмыслить особенности исторического развития Украины. В этом вопросе он послушно следует за буржуазным историком Грушевским, автором насковей лажной теории так называемого «единого потока», согласно которой украинский народ якобы никогда не знал классового разделения, всегда составлял монолитное целое, в котором не могло быть социальных противоречий, классовой борьбы. Отсюда в творчестве Рыльского — идеализация прошлого, возведение тех его сторон, которые должны были быть беспощадно разоблачены и осуждены, отсюда — идеализация восприятия действительности, похороненной Октябрьской революцией.

М. Бажан подчеркивает, что украинский национализм всегда отличался исключительной агрессивностью и хищностью, что он всегда ставил ставку на чужеземную буржуазию, прислушивался к иностранному капитализму. Недаром англо-американские реакционеры всех мастей ведут сейчас такую «дружбу» с махровыми украинскими фашистами — они связывают с ними определенные расчеты.

Вот почему Рыльский, Яновский, Сепченко должны до конца осознать вредоносность не позитивных им националистических заблуждений и иллюзий. Вот почему, — заявляет М. Бажан, — делом не только историков, но и всей украинской литературной общественности является непримиримая борьба со всеми оттенками националистической романтики, полное и неостороннее разоблачение всех националистических теорий.

Заключивший пленум, как правильно определил в заключительном слове А. Корнейчук, явился важным моментом в жизни украинской советской литературы, демонстрацией единства писательских рядов Украины. Пленум свидетельствует о творческой силе украинских литераторов, об их готовности и умении мобилизоваться по большевистски для искоренения остатков националистической идеологии в литературе, для борьбы за создание социалистического, высокохудожественного искусства, достойного нашей великой эпохи.

Я. КАМЕНСКИЙ.

